

Нальчикова Елена Аниуаровна

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СМЕРТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Одним из аспектов этнокультурных представлений о смерти народов Северного Кавказа является добровольный уход из жизни. В статье проанализировано народное отношение к проблеме самоубийства, и на гендерно-дифференцированном материале освещены традиционные способы сдерживания суицида, некоторые из которых сегодня могут иметь практическую ценность. Препятствием к распространению религиозного и бытового самоубийства должны стать реанимация этноментальных установок, распространение исторических знаний и др.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 128-130. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(352.3)

Исторические науки и археология

Одним из аспектов этнокультурных представлений о смерти народов Северного Кавказа является добровольный уход из жизни. В статье проанализировано народное отношение к проблеме самоубийства, и на гендерно-дифференцированном материале освещены традиционные способы сдерживания суицида, некоторые из которых сегодня могут иметь практическую ценность. Препятствием к распространению религиозного и бытового самоубийства должны стать реанимация этноментальных установок, распространение исторических знаний и др.

Ключевые слова и фразы: добровольный уход из жизни; общественное осуждение; женский и мужской суицид; религиозное и бытовое самоубийство; Северный Кавказ.

Нальчикова Елена Аниуаровна, к.и.н., доцент

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

elenalchik@yandex.ru

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СМЕРТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках реализации проекта «Женщины Северного Кавказа: прошлое определяет настоящее», соглашение № 14.В37.21.0013.

Представления отдельных людей или целых этнических сообществ о достойном жизненном финале могут значительно различаться. Для всех народов Северного Кавказа в традиционный период истории принципиальное значение имел характер смерти, предметом воспевания героических песен становилась гибель на поле боя, в честном мужском поединке. Напротив, редкие случаи самоубийства утаивались, так как покрывали позором весь род самоубийцы. Наше обращение к вопросам смерти в традиционной культуре, помимо чисто исследовательской задачи, имеет своей целью объяснение современных этнических особенностей, связанных с восприятием ухода человека из жизни. Сегодня наблюдается рост числа самоубийств, объясняемый происходящими в российском обществе глобализационными процессами, с одной стороны, и радикализацией всех сторон общественной жизни, с другой. Указанные процессы определили сосуществование в современном северокавказском социуме самоубийств на бытовой и религиозной почве. Проявление в регионе идеологии религиозного экстремизма, практическим воплощением которой становится «шахид» (в т.ч. в женском образе), и объясняет необходимость рассмотрения проблемы добровольного ухода из жизни в гендерном разрезе и исторической ретроспективе.

Одним из символов общекавказского этнокультурного единства можно считать повсеместное неприятие самоубийства как жизненного финала вне зависимости от личных обстоятельств индивида. У народов Северного Кавказа на протяжении традиционного периода истории оно было табуировано. Данный запрет можно объяснить особенностями жизнеустройства, военизированным образом жизни, религиозными убеждениями и развитостью категории «стыда». Последняя как этнокультурная дефиниция способствовала, с одной стороны, выработке негативного отношения к самоубийству, с другой – в исключительных случаях выступала в качестве побудительного мотива к нему.

Повседневность этнического сообщества основана на ментальных ориентирах, в том числе и по отношению к добровольному уходу из жизни членов данного социума. Еще в древнейших кавказских эпических сказаниях о героях-нартах отражено неприятие подобного жизненного финала. Нарт Сосруко на угрозы Сатаней покончить с собой отвечает: «Погоди, погоди, наша мать, остающимся после нас маленьким людям не подавай дурного примера – лишать себя жизни на том свете или на этом» [8, с. 62]. Восприятие нартов как предков народа, их непререкаемый авторитет позволяют говорить о зафиксированном в этих словах народном отношении к суициду.

Молодежь – единственная возрастная страта, упоминаемая в исторических материалах по традиционным обществам Северного Кавказа в связи с проблемой суицида. При этом мужское самоубийство практически не встречалось. Подобный поступок не только сказывался на посмертной судьбе горца, но и наносил урон репутации родственников в общественном мнении. Отсутствие мужского суицида объяснимо еще одним фактором: у мужчин был более приемлемый с точки зрения национальной ментальности выход – поиск возможности достойной гибели на поле боя. Тем более что условия для реализации данной модели поведения имелись всегда: исследователи традиционных северокавказских культур фиксируют свойственное им состояние перманентной войны.

Мы имеем больше фольклорных свидетельств о женском суициде. Незначительное общее количество самоубийств позволяет еще раз особо оговорить, что речь идет об исключительных случаях. Так, например, когда безутешная вдова джигита Аслан-Гирея Бесланова хочет последовать за мужем, ее останавливает традиция: «Хажихан хотела бы убить себя, но в нашем краю нет такого обычая» [1, с. 106]. Или, выражаясь словами вдовы Кучука Аджигиреева: «Я пошла бы с тобой вместе на тот свет, да не могу сама себя жизни лишиться!» [Там же, с. 111]. Более поздняя по времени аргументация излагается у А.-Г. Кешева, который

в уста своей героини вкладывает следующие слова: «Я бы вырвала из груди свою душу. Но душу вложил аллах, он один вправе и отнять ее» [6, с. 112]. Очевидно, традиционная мотивация недопустимости самоубийства со времени распространения ислама была дополнена религиозной легитимацией.

Реально совершенный женский суицид был, как правило, связан с вопросами чести/бесчестия и несчастной/запретной любви. Немногочисленные полуполюгендарные истории женского самоубийства определены личностными любовными переживаниями. В сказании о Хасанше Шогенокове после гибели героя его невеста «схватила стальные ножницы и тут же умертвила себя» [5, с. 175]. Карл Кох рассказал о попытке принудить женщину-рабыню к браку с нелюбимым человеком, в результате чего она «с горя повесилась на дереве» [7, с. 611]. Таким образом, характерным побудительным мотивом девичьего суицида были любовные переживания (гибель любимого человека, принуждение к браку с нелюбимым).

Другим фактором, провоцировавшим женщин на добровольный уход из жизни, можно считать раскаяние и чувства стыда. Н. Ф. Дубровин пишет о некоей Фатиме, оклеветавшей невинную жертву, после гибели которой из раскаяния она «бросилась к черкесу и, выхватив у него кинжал, мгновенно поразила себя со словами: –Тебя погубила – и гибну сама» [3, с. 150].

Не могла не сказаться на общей картине женского суицида в регионе ситуация времен Кавказской войны. В годы активного военного противостояния создается благоприятная для самоубийства коллективная атмосфера, и оно становится явлением социальным. Далеко не единичный случай этого периода истории: жена убитого дворянина «сама подожгла строения, окружавшие ее, и сгорела вместе с червонцами и со всем имуществом» [Там же, с. 416]. В песне-плаче черкесских пленных описывается самоубийство девушки, оскорбленной поведением царских офицеров: «—Нев обычае у нас, чтобы женщин острями штыков кололи!» – так сказав, бросилась на штыки дочь Шогеновых Гошехурей» [5, с. 357]. В исключительных обстоятельствах общество «извиняло» женскую слабость, «понимало», что женщина подобным образом мстила за свою честь или отстаивала доброе имя.

Женское самоубийство в этой ситуации становилось единственной формой протеста, так как борьба с оружием в руках – неженское дело. Пока жив хоть один мужчина, женщина своим непосредственным вмешательством в «мужское дело» могла его опозорить. Актуализация указанной традиционной установки в современных условиях могла бы приостановить процесс радикализации части женского населения Северного Кавказа, исключить женщин из процесса противостояния. Сегодня поведение женщин-смертниц объясняют мстостью за смерть их близких. Но прежде мсть считалась «мужским делом», и ее осуществление руками женщин должно формировать мнение о недееспособности мужской части данной фамилии.

Если же говорить о «привычном», «бытовом» суициде, то сегодня данные статистики свидетельствуют, что он стал преимущественно мужским. В частности, в Кабардино-Балкарии в 2008 г. из 118 самоубийств 96 пришлось на мужчин, 76 – на молодежь в возрасте от 14 до 34 лет [4]. Масштабные социально-экономические потрясения, изменение базовых ценностей на переломе эпох привели к отходу от традиционного сознания, что не могло не отразиться на облике подрастающего поколения, наиболее подверженного изменениям [2, с. 60]. В постсоветский период началась коренная ломка традиционных стереотипов мужественности. На вызов глобализации северокавказские республики ответили взрывом агрессивных эмоций, культивированием силы. Абхазские события 1992-1993 гг. привели к созданию в северокавказских республиках отрядов добровольцев (большая часть которых – молодые мужчины), стремившихся на деле проверить свои способности на истинно «мужской поступок» [9, с. 52] и, возможно, решить свои личные проблемы с помощью традиционного и более приемлемого, «одобряемого» с точки зрения национальной ментальности способа – гибели на поле боя.

Имеющиеся материалы с трудом складываются в систему и не позволяют делать полновесных выводов по истории данного явления, тем не менее они выявляют некоторые закономерности. Отсутствие зафиксированных исторических случаев «мужского» и незначительное число примеров «женского» самоубийства в традиционных обществах Северного Кавказа доказывают непопулярность или неприемлемость подобного способа ухода из жизни, а также действенность традиционных рычагов сдерживания суицида. Препятствием к самоубийству служили культурно-исторические традиции северокавказских этносов, общества которых характеризовались развитой системой социального контроля, высокой степенью регламентации поведения ее членов, принципами традиционной морали, выполнявшими барьерные от суицидов функции. Коллективистский социум ограничивал свободу не только в выборе модели жизни, но и смерти человека, которые всецело принадлежали обществу, роду, семье. Ответственность перед родственниками и общиной не позволяла человеку распоряжаться собственной жизнью в зависимости от личных обстоятельств. Но изменившиеся реалии привели к серьезным трансформациям в повседневном существовании социума: мужское самоубийство стало распространенным явлением. На наш взгляд, практической рекомендацией в борьбе с усилением среди молодежных субкультур и контркультур тенденции к самоубийствам должно стать, среди прочих, распространение исторических знаний. Воспитание уважительного отношения к культурным основам традиции, реанимация этнических ментальных установок могут стать препятствием к негативному инокультурному влиянию на молодежь. Здесь речь идет именно о борьбе с романтизацией самоубийства религиозными экстремистами на Северном Кавказе. Долг историков, этнологов, антропологов перед обществом состоит не только в исследовательской деятельности, но и в воспитательной, в умении грамотно применить профессиональные знания для аргументации и апологии этнокультурной традиции и религиозного отрицания самоубийства в борьбе против экстремальной «моды» и обесценивания жизни.

Список литературы

1. **Адыгские песни времен Кавказской войны** / под ред. В. Х. Кажарова. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 440 с.
2. **Дик А. А.** Девиантное поведение сельской молодежи в тамбовской губернии 1920-х гг.: причины и особенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. 4. С. 58-61.
3. **Дубровин Н. Ф.** Черкесы (адыге). Нальчик: Эльбрус, 1991. 460 с.
4. **Информационная карта показателей девиаций в молодежной среде КБР (2009 год)** [Электронный ресурс]: информационно-справочное издание. URL: http://www.infoprof.do.am/load/informacionnaja_karta_pokazatelej_deviacij_v_molodezhnoj_srede_kbr_2009_god/72-1-0-325 (дата обращения: 17.03.2013).
5. **Кабардинский фольклор** / под ред. Г. И. Бройдо. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 652 с.
6. **Кешев А.-Г.** Записки черкеса / вступ. статья и подг. к печати Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1988. 272 с.
7. **Кох К.** Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост., введ. и вступ. статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 585-629.
8. **Нарты:** адыгский героический эпос / сост. А. И. Алиева, А. М. Гадагатль, З. П. Кардангушев. М.: Наука, 1974. 415 с.
9. **Текуева М. А.** Мужской характер экстремизма // Мир и политика. М., 2012. № 8. С. 52-59.

CULTURAL SPACE OF DEATH: GENDER ASPECT

Nal'chikova Elena Aniuarovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Kabardino-Balkaria State University named after H. M. Berbekov
elenalchik@yandex.ru

Suicide is one of the ethnic and cultural aspects of the North Caucasus peoples' ideas about death. The article analyzes people's attitude to the problem of suicide, and by gender-differentiated material covers the traditional methods for suicide control, some of which can be of practical value today. The reanimation of ethnic and mental guidelines, the spread of historical knowledge, etc. should become a barrier to the spread of religious and everyday suicide.

Key words and phrases: suicide; public condemnation; male and female suicide; religious and everyday suicide; the North Caucasus.

УДК 94(3); 292.11

Исторические науки и археология

Статья раскрывает основные аспекты греческой мистериальной практики в эпоху формирования полисной системы. Основное внимание акцентируется на роли мистических культов в политической жизни Древней Греции, главным образом Элевсинских таинств и культе Диониса Орфического, которые являлись реакцией на оформление полисной религии. Мистерии представлены как особая личностная форма выражения ритуальной практики в рамках полисного политеизма.

Ключевые слова и фразы: мистериальная практика; мистические культы; Элевсинские мистерии; Орфические Дионисии; полисная религия.

Обидина Юлия Сергеевна, д. филос. н., доцент
Марийский государственный университет
basiley@mail.ru

ГРЕЧЕСКАЯ МИСТЕРИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИСНОЙ РЕЛИГИИ[©]

Исследования мистериальной практики ведутся учеными на протяжении многих десятилетий. Но, несмотря на это, мистические культы до сегодняшнего дня оставляют много спорных вопросов и являются излюбленной темой современных исследователей. Изучение древнегреческого мистицизма позволяет не только лучше понять античную религию и философию, происхождение христианства, но и позволяют по-иному взглянуть на ставшие уже классическими представления о полисной (т.е. гражданской) и личной религии греков.

В современной историографии существуют различные подходы к изучению мистицизма в античной Греции. На сегодняшний день уже классическими стали работы В. Дюранта [4], А. Ж. Фестужера [19], Э. Доддса [3], М. Элиаде [21], В. Буркерта [1], В. Исаевой [7]. Пожалуй, ни одно явление античной жизни не вызывает такое количество самых разнообразных мнений, как греческая мистериальная практика.

В современной историографии традиционными стали взгляды на мистику как на прообраз христианского культа (В. И. Исаева [Там же], Л. Л. Селиванова [16]), как на сложный церемониальный ритуал, связанный с сельскохозяйственной практикой (М. Элиаде [21]), на религиозную истерию и снятие эмоциональной напряженности (Э. Доддс [3]), олицетворение жизни человека до и после смерти (И. Чистович [20], Н. Новосадский [13], Ю. Обидина [14]), ломку общественной психологии (А. Кураев [10], В. Иванов [6]), кризис